

На симфонических концертах

В А П О Г Е Е

Да, талант Мстислава Ростроповича сейчас в апогее! Сколь бы ни произносилось похвал в адрес выдающегося советского виолончелиста, каждое его новое выступление неизбежно приумножает их. Нельзя удержаться от этого и после очередного, «рядового» концерта Ростроповича, состоявшегося на днях в Большом зале Консерватории.

Три концерта с оркестром — Дворжака, Шумана и двойной Брамса... Огромная чисто физическая нагрузка. Но опять, как всегда в последние годы, с первой до последней ноты технические трудности для виолончелиста, кажется, не существуют. Удивительное, незабываемое ощущение, рождаемое только совершенным мастерством находящегося в расцвете выдающегося таланта: музыка как бы рождается сама собой, о пассажирах, кантилене, тембральных красках, звучании регистров и всем прочем не думаешь, этого попросту не замечаешь. Только сама музыка, рождающийся и развертывающийся во времени музыкальный образ присутствует перед тобой...

Именно так прозвучал поэтичный концерт Дворжака, который мне довелось слышать в исполнении Ростроповича с самыми различными оркестрами во многих странах. Каждый раз как бы заново рождалась изумительная музыка одного из лучших творений Дворжака. И на этот раз солист, Государственный симфонический оркестр Союза ССР, дирижер Борис Хайкин составляли единое, нераздельное художественное целое.

Двойной концерт Брамса для скрипки и виолончели с оркестром — одно из труднейших сочинений мировой симфонической литературы. Масштабность его столь

монументальна, что подчас представляется почти неохватной. Форма здесь легко может «застыть», ее глыбистая монолитность в непосредственном ощущении дает часто впечатление статуарной вязкости развития мысли. Дирижер, оркестр, Мстислав Ростропович и его партнер по сольной партии Борис Гутников счастливо избежали этого. Четкое распределение кульминаций, отточено продуманная шлифовка деталей, глубокое понимание динамичности беспредельной протяженности брамсовских мелодий отличало их исполнительскую концепцию.

Заключал программу Виолончельный концерт Шумана. В данном случае это было его второе рождение — он впервые звучал в новой инструментовке Дмитрия Шостаковича. Именно второе рождение! Это отнюдь не преувеличение. Несколькими десятками ювелирных штрихов Шостакович «высветлил» шумановскую полифонию, придал полновесную сочность оркестровым tutti и вместе с тем добился прозрачности всей фактуры, что особенно важно в жанре виолончельного концерта, где сольная партия звучит в самых «рабочих» регистрах оркестра и потому часто перекрывается им. Засверкали, заискрились новые колористические детали, яснее, рельефнее прочерчены теперь голоса и подголоски шумановской ткани. Шумановские мысли, шумановские образы зазвучали совершенно по-иному — ярко, сочно, колоритно.

Особенно хороши сейчас кульминационные эпизоды. Они стали подлинно симфоническими. Прозрачно и ясно, «не мешая» сольной партии, звучит теперь сопровождение. Появилось много чудесных деталей-находок. Укажу хотя бы на прелестное звучание арфы в заключительном эпизоде финала.

Самое поразительное, что всего этого Дмитрий Дмитриевич добился, пользуясь исключительно шумановским материалом. К авторскому составу оркестра добавлены лишь флейта-пикколо, арфа и две валторны (в шумановской партитуре их было две, сейчас — четыре). Прделана подчас внешне незаметная «ретушь». Но какой изумительный эффект! Впрочем, все это тема особого разговора. Новая работа Шостаковича не только заслуживает, но и настоятельно требует этого.

Играл Ростропович шумановский концерт великолепно. В прошлом году на Эдинбургском фестивале после одного из сольных концертов пресса назвала его космонавтом-пять (это было до полетов Быковского и Терешковой). Оправдывать столь высокое звание очень трудно. Но Ростроповичу это удается, ибо талант его сейчас в самом расцвете. Расцвет же объясняется тем, что трудолюбие, творческая взыскательность одного из первых виолончелистов мира почти не имеют себе равных. Кстати, это вернейший залог будущих успехов Мстислава Ростроповича.

И.Я. ПОПОВ.